

ВАЛЕРИЙ ЧЕРКЕСОВ

“ПОДТВЕРДИТЬ СВОЕЙ СУДЬБОЮ СТРОЧКУ...”

Осенью 1967 года в дальневосточном посёлке Майдагачи я приобрёл сборник стихотворений Станислава Куняева “Метель заходит в город”, в котором и об этом посёлке есть стихотворение.

Но обо всём по порядку.

1

Летом того года я окончил вечернюю школу рабочей молодёжи. Мне было двадцать лет, я писал стихи и уже несколько стихотворений напечатал в местной прессе, сотрудничал внештатно с областной молодёжной газетой “Амурский комсомолец”, куда меня хотели взять на работу, но вакансий, как сказал редактор, пока не было. Он же посоветовал: “Поезжай в районку. Для начала – это хорошая школа”.

Я купил рюкзак, в который побросал кое-что из одежки, положил несколько любимых сборников стихов, надел серый берет, придававший моей фигуре, как мне казалось, поэтический вид, и однажды вечером сел в Благовещенске в поезд, а уже утром, проехав около полутысячи километров, оказался в посёлке Тыгда, в редакции районной газеты “Вперёд”.

В одну из своих первых журналистских командировок я отправился в самый большой населённый пункт района – Майдагачи. Там зашёл в деревянный дом с вывеской “Книги” и был поражён: он был буквально завален книгами! В отличие от городских магазинов, здесь стояли и лежали дефицитнейшие книги из серии “Жизнь замечательных людей”, воспоминания о Льве Толстом и Александре Куприне, сборник стихотворений Евгения Винокурова “Ритм” – я перечисляю только то, что купил тогда на командировочные деньги.

Взял я с полки и небольшую книжку стихов под названием “Метель заходит в город”. Имя на суперобложке – Станислав Куняев – и затемнённое фото в профиль человека лет тридцати в очках не особо привлекли моё внимание. Зато пятнадцатистрочная аннотация заинтересовала: “Михаил Аркадьевич Светлов, читавший эту книгу в рукописи, писал в рецензии для издательства: “Очень доброе начало заложено в книге. О чем она? Точно ответить не могу. Я могу более точно ответить: для чего она. Она для того, чтобы человек меньше грустил и больше радовался. Она для того, чтобы многие поняли, что юмор – это не смешной анекдотик, а очень благородное отношение к людям”.

Открыл наугад страницу сборника. И... Цитирую прочитанное стихотворение полностью:

*В селении Майдагачи
о нём ничего не известно.
Он был там в июльской ночи,
он выехал так незаметно,
бродил у какой-то реки.
А улицы были, как реки,
моргали вдали огоньки
да слышались отзвуки речи.
Да ветер вздохнул и принёс
горячие запахи тёса,
печальное бляенье коз,
протяжный гудок паровоза.
Как много успел подглядеть,
как много успел он запомнить,
осмыслить и запечатлеть,
нечаянный тот незнакомец,
который не знал никогда
названья такого посёлка, —
случайно заехал сюда
и вскоре пропал, как иголка.*

Представьте моё состояние, когда я прочитал эти строки – о Майдагачи в самом Майдагачи, от имени бродящего у той самой “какой-то реки”, видящего “вдали огоньки”, слышащего “протяжный гудок паровоза” и “отзвуки речи”! Я испытал если не потрясение, то удивление: оказывается, можно вот так необычно сказать об обычном, о том, что тебя окружает, и это будет – Поэзия.

По душе пришлось и стихотворение “Дальний Восток”, особенно строфа:

*Места хватит — а это значит,
можно шастать туда-сюда,
кочевать, корчевать, рыбачить
и судьбу свою переиначить,
если есть такая нужда.*

Они врезались в память потому, что, наверно, я подспудно ощущал: в будущем мне предстоит немало “шастать туда-сюда” и судьбу переиначивать – тоже.

С тех пор “Метель заходит в город” стала одной из моих любимых книг. Она была со мной во всех моих дальневосточных скитаниях. Суперобложка истрепалась, а потом и потерялась, и теперь, когда хочется почитать что-то для души, я вновь и вновь беру в руки этот сборник.

В конце 70-х я опять оказался в Майдагачи, к тому времени ставшем рай-центром. Устремясь “на север, душу лечить”, несколько месяцев работал в той же газете “Вперёд”, и книга Станислава Куняева была со мной.

А несколько лет назад, проезжая уже из Белгорода в Благовещенск, я вышел ранним утром на безлюдный перрон этой станции, где поезд сделал остановку, взошёл на виадук, оглядел с высоты посёлок, ставший определённой вехой в моей жизни, и вновь вспомнилось куняевское “В селении Майдагачи о нём ничего не известно...” Как будто обо мне сказано...

2

Я могу назвать с десятков, а то и больше поэтов-современников, стихи которых меня увлекали, казались самыми-самыми, но проходило какое-то время, и я к ним остывал. А вот строки из “Метель заходит в город” возникали и возникают в памяти постоянно, ибо они имеют отношение и ко мне: “А спать любил я около окна. // В казармах, поездах и общежитиях...”, “Не то, чтобы жизнь надоела, // Не то, чтоб устал от неё, // Но жалко весёлое тело, // Прекрасное тело своё...”, “А душу нисколько не жалко — // Во всём виновата сама”, “С утра болела голова, // Но хуже то, что надоела // Старинная игра в слова, // А я не знал другого дела”, “Жизнь моя тянется чёрным по белому, // словно цепочка следов на снегу...” — цитировать могу бесконечно.

Волей-неволей некоторые из этих строк стали эпитафиями моих стихотворений, дав толчок мыслям и чувствам, которые требовали выхода, просились на бумагу. Однажды я рассказал об этом заместителю главного редактора журнала “Наш современник”, критику и публицисту Александру Казинцеву, и тот с присущей ему иронией изрёк: “Ты Станислава Юрьевича на эпитафью разобрал. Что же – выбор достойный”.

Но особенно после первого же прочтения меня поразило это стихотворение:

*Я на днях случайно прочитал
книжку невеликого поэта.
Где-то под Ростовом он упал,
захлебнулся кровью и не встал,
и не видел, как пришла победа.
Но отвага гению сродни,
но подобно смерти откровенье,
и стоит, как церковь на крови,
каждое его стихотворенье.
Вот и мне когда-нибудь упасть,
подтвердить своей судьбою строчку,
захлебнуться и поставить точку —
значит, жизнь и вправду удалась.*

Сорок лет назад на полях около заключительного четверостишья я поставил три восклицательных знака, не предполагая, конечно, что Станислав Куняев, сказав в молодости “подтвердить своей судьбою строчку”, через всю жизнь пронесёт это, не побоюсь высокопарности, святое служение Литературе и Отечеству – в стихах, в критике, в публицистике, в редактировании самого читаемого ныне в стране журнала “Наш современник” и, наконец, в книге воспоминаний “Поэзия. Судьба. Россия”, которая стала, может быть, самым заметным явлением мемуарной беллетристики конца XX – начала XXI веков. Правда, мемуарным в прямом смысле этого слова трёхтомник Станислава Куняева едва ли можно назвать, скорее, это его страстная исповедь, как та самая “церковь на крови”.

И ещё об одной цитате из Куняева, уже из другой книги.

Впервые стихотворение, которое начинается приведённым ниже четверостишием, я прочитал в начале 90-х годов в “Литературной России”. Цитирую его по памяти:

*Не лучшие в мире у нас пироги,
Не лучшие вейки, не лучшие жнейки,
Но лучшие в мире у нас телогрейки,
А также резиновые сапоги.*

Казалось бы, почти проза – никаких красотостей и высокого “штиля”. Но в них – судьба многих поколений русских людей, большей части, которая и есть – народ.

В молодости я прочитал стихотворение (кажется, Евгения Евтушенко), заканчивающееся так: “И вот идёт на цыпочках Уланова. И это тоже для меня – народ”. (Тоже цитирую по памяти.) Тогда оно мне показалось необыкновенно смелым. Но с годами, взрослея, соприкасаясь со многими представителями общества – от самых высоких его кругов до самых низких, до бичей и бомжей, – я всё больше разочаровывался в евтушенковском представлении о народе, поняв, что те слова – не что иное, как лукавство.

Так называемая элита, что не сеет и не пашет, не жнёт и не молотит, – словом, зарабатывает на свой хлеб с маслом иными, менее “пыльными” способами, едва ли может с полным правом называться народом, который не “на цыпочках” ходит, а до сих пор, образно говоря, в тех самых куняевских телогрейках и сапогах топает по земле, надеясь на лучшие времена, и, как может и чем может, их приближает.

После “Метель заходит в город” я стал покупать все книги Станислава Куняева – “Озеро безымянное”, “Путь”, “Мать сыра земля” – их в моей библиотеке более десятка. И в каждой находил и нахожу строки, которые волнуют, тревожат, запоминаются.

В последние полтора десятилетия, судя по публикациям, стихов он пишет немного, в них всё больше публицистичности – время такое. В какой-то статье я прочитал, что, мол, поэт, изменив лирике, теряет читателей. Но я по-прежнему не пропускаю ни одной его подборки.

Кажется, у А. С. Пушкина есть такое высказывание: чем выше восходит поэт, тем меньше с ним остаётся верных читателей, ибо путь к вершинам поэзии труден. Я – среди этих читателей Станислава Куняева.

3

В марте 1999 года вышел белгородский номер “Нашего современника”. На его презентацию в Белгород приехала группа авторов и главный редактор. Собираясь на встречу, я взял “Метель заходит в город”, надеясь, что удастся поговорить со Станиславом Юрьевичем, рассказать о судьбе этого экземпляра. И так и произошло.

Поэт, кажется, искренне удивился, увидев довольно потрепанный свой сборник. Сказал: “Это – моя любимая книга”, – а после эти слова он написал на титульном листе.

В разговоре я, между прочим, заметил, что он в названии посёлка Майдагачи поставил ударение на последнем слоге. Правильно же – на предпоследнем. “Да, я знаю, – ответил поэт. – Но тогда, в поезде, так написилось, а позже что-то переделывать не захотелось”.

Станислав Юрьевич приезжал на Белгородчину ещё несколько раз. Не скажу, что я с ним беседовал подолгу и запросто, но разговоры были. Особенно запомнился один.

Накануне я вернулся из Благовещенска, со своей малой родины, куда тогда стали интенсивно вторгаться китайцы. Рассказал Станиславу Юрьевичу, что китайские “друзья” у нас торгуют, строят и т. д. и т. п., а русские мужики, ошарашенные таким нашествием, в большинстве своём опустили руки, пьют, на что поэт ответил примерно так: “Русскому народу надо собраться, осмыслить, понять, что с ним происходит. Потом он одумается, поднимется. Конечно, лучше, если это произойдёт поскорее”.

У меня есть ещё автографы Станислава Куняева – на трёхтомнике “Поэзия. Судьба. Россия” и на книге “Шляхта и мы”. Её в декабре 2002 года прислал автор с надписью: “На добрую память о встречах на Белгородчине – продолжение моей борьбы”.

И ещё об одной встрече. В “Метель заходит в город” есть стихотворение, начинающееся четверостишием:

*Плохой из меня воспитатель,
плохой из меня педагог.
Я сыну почти что приятель,
а сыну всего пятый год.*

Оно – о сыне поэта Серёже.

Шли годы. Я стал читать статьи в журналах, подписанные Сергеем Куняевым, – о Есенине, Клюеве, Клычкове и других, так сказать, крестьянских поэтах, а также о современных стихотворцах, позже приобрёл книгу в серии ЖЗЛ “Сергей Есенин” (авторы Станислав и Сергей Куняевы) и книгу Сергея Куняева “Русский беркут” – о Павле Васильеве, но с самим автором познакомиться не доводилось.

В апреле 2004 года на Белгородчине проходили Дни поэзии. Я узнал, что участвовать в них приглашён и Сергей Куняев, что он поедет в город Алексеевку. Но в выезжающую группу меня не включили, и я, естественно, несколько расстроился.

Утром пришёл на службу в редакцию газеты “Смена”. Вдруг раздаётся телефонный звонок. Говорят с вахты: мол, тут человек из Москвы спрашивает, как найти писательскую организацию. Спускаюсь вниз. Мне протягивает руку худощавый человек, уже знакомый по фотографиям в книгах, и говорит: “Сергей Куняев”.

Оказывается, он опоздал на белгородский поезд, приехал на другом и вот не знает, куда направить свои стопы.

Я, конечно, подивился такому повороту судьбы: очень хотел познакомиться с Сергеем, и вот случайность (или закономерность) этому помогла.

Позвонил в писательскую организацию, узнал, где собирается группа, и мы прибыли туда буквально за несколько минут до отъезда. По дороге поговорили о писателях — общих знакомых, уже ушедших из жизни, — Борисе Приме-рове, Викторе Кочеткове, Юрии Кузнецове, о здравствующих — Вере Галактионовой, Владимире Шемшученко и других.

Между прочим, Сергей поддержал меня в одном мнении. Конкретно вот в чём. Один московский журнал, так сказать, либерального толка напечатал подборку моих стихов, что было для меня несколько неожиданно. Я сказал об этом Сергею, спросив, правильно ли поступаю, сотрудничая с “Нашим современником” и “Молодой гвардией” и в то же время публикуясь в том журнале, на что он ответил: “Печататься следует везде, где печатают, — своё слово нужно доносить всяческими способами, нужно уметь играть и на чужом поле. И ты же не пишешь, как сейчас некоторые, что Россия — сука и тому подобное”.

На другой день была большая встреча с участниками Дней поэзии. Сергей Куняев рассказывал белгородским читателям о жизни и творчестве Сергея Есенина, Николая Клюева, Павла Васильева, проникновенно читал стихотворение Юрия Кузнецова “Маркитанты”, и я опять вспоминал строку Станислава Юрьевича “Подтвердить своей судьбою строчку”, ставшую жизненной заповедью не только его, но и сына, продолжателя отцовского дела — борьбы, служения литературе и русскому народу.

* * *

Проходили годы. В моей библиотеке появились новые книги Станислава Куняева: “Шляхта и мы”, “Возвращенцы”, “Жрецы и жертвы Холокоста”, “Любовь, исполненная зла” и другие. Я узнавал об их выходе из газет, писал автору с просьбой выслать, и он откликнулся. Я посылал ему свои, время от времени в “Нашем современнике” появлялись мои стихи. Особенно приятной была публикация в журнале, приуроченная к моему юбилею. Она сопровождалась такими строками: “Поздравляем нашего постоянного автора, известного белгородского поэта с 60-летием, желаем ему вдохновения и новых книг, и понимания со стороны читателей и друзей-поэтов”.

Поздравление написал главный редактор. “Известный” — это скорее, так сказать, аванс, а вот насчёт понимания сказано точно: каждому, кто в меру своих способностей и сил пытается сказать своё слово в литературе, оно необходимо как воздух. Думаю, Станиславу Юрьевичу Куняеву тоже.